V. DEX

АВТОБУСЫ

роман-автофикшен

V. Dex

Автобусы

«Автор»
2026

Dex V.

Автобусы / V. Dex — «Автор», 2026

Роман-автофикшен. История взросления на фоне глобальных перемен в обществе. Герой перемещается с задних рядов автобусного салона на место водителя, всё происходящее вокруг осмысливается, присваивается, воплощается в слово. Три части, как три жизненных этапа: получение самостоятельности, принятие ответственности, обретение миссии.

© Dex V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Конец ознакомительного фрагмента. 15

V. Dex
Автобусы

Глава 1

Глава 1.

С возрастом понимаешь, что мудрость это не инфонагромождение, а каратаевское упрощение, что больше внимания нужно уделить качеству кровати, на которой проводишь третью часть жизни, чем краткосрочным наслаждениям. И только приобрёл шикарную, сделанную на заказ двухспалку, стоимостью как крыло самолёта, и вот уже новое понимание: даже в гармоничных, счастливых браках необходимо формировать зоны уединения. У меня этот паттерн был получен от родителей, всегда отдыхавших отдельно друг от друга. Дожили вместе они до глубокой старости, лишь курорты заменили: мама – церковью, а папа – дачей.

Вывозить меня летом на отдых в семье определили маме. Являясь человеком системным, делала она это добротно, обстоятельно, креативно. Первое моё яркое морское переживание не имело отношения к атрибутам черноморского отдыха, а было местечковое, родственное, но, тем не менее, оставившее глубокий след в некоторых сердцах.

Анапе отводилась роль награды за месяц, проведённый в пионерском лагере, хотя особой разницы между этими двумя приютами я не видел. И там, и там купание являлось процессом дозированным, в первом – вожатыми, во втором – мамой. Питание тоже не вызывало чувства эйфории, в одной столовой постоянно хотелось есть, в другой – наоборот, есть не хотелось никогда. И эти обстоятельства выработали антикризисные механизмы: умение незаметно набирать хлеб, проходя мимо лагерных кухрабочих, и коммерциализацию каждой ложки, съеденной на курорте. Правда присутствовали и бонусы: в родительский день из плетёной кошёлки извлекались на белый свет килограмм огромной тёмной черешни и по полкило не таких сладких, а поэтому менее любимых, клубники, первой черники и смородины, а в Анапе продавали мороженое. Из-за него-то всё и началось.

Бабушка моя воспитывалась приёмными родителями, и только в зрелом возрасте узнала, что у неё есть много родственников по линии биологической матери. Одним из таких обретённых близких оказался дядя Вася, живший на плодородной кубанской земле. Обитал он в станице Варениковской и посетить его определили, как обязательный элемент нашего отпуска. Основным инициатором, конечно, была бабуля:

– Мы столько лет не знали об их существовании, нужно заехать. Я в прошлом году гостила у них, они были очень рады.

Для мамы главным аргументом являлось правильность поступка: отношения необходимо строить, меня купили, конечно же, черешней:

– Ты не представляешь, какой огромный у него сад! Будешь есть, сколько захочешь!

Для семьи наших новых родственников мы оказались, хуже татарина, но к их чести, в глаза это не бросалось.

В выбранный для поездки день открылись предзнаменования, истолкованные в угоду принятому решению. Погода была пасмурной, что мама и отметила:

– Вот и хорошо, ехать будет не жарко, и на пляже делать нечего.

Здесь стоит объяснить, что море родителями воспринималось как место получения шикарного загара, поэтому я автоматически становился участником этой модели. Я хорошо знал, что двадцать минут лежать на одной стороне – это вечность, и явно не райская. Выторговать меньше пятнадцати – считалось нереальным, поэтому диалог через десять минут после переворачивания выглядел следующим образом:

– Сколько ещё осталось?

– Ты только что спрашивал!

– Ну сколько?

– Ещё раз спросишь, и я добавлю пять минут...

Для меня же море было местом купания. Плавать я научился очень рано, но главное – это ныряние, обязательно с открытыми глазами, с поиском донных обитателей, сбором ракушек, представлением себя ихтиандром или капитаном Немо.

Поэтому отсутствие солнца мотивировало взрослую часть нашей команды, для меня же не являлось сигналом к путешествию вглубь региона.

Вторым знаком стало наличие нескольких рейсов в этот день в нужном нам направлении.

– Людей будет меньше, распределятся на разное время.

Каким это было заблуждением! Возможно, все отметили отсутствие солнца, или в эту сторону всегда ехало больше пассажиров, чем было мест в автобусах, но когда мы пришли на вокзал, было похоже, что это центральный пляж, только с одетыми отдыхающими.

– Хорошо, что пришли раньше, – не унывала мама, – сможем купить билеты на нормальные места.

Понятно, что предприимчивость оказалась не только нашим качеством, билеты нам достались на предпоследнем ряду.

– Лучше плохо сидеть, чем хорошо стоять, – продолжала эта неунывающая путешественница, покидая очередь у кассы.

На улице нас ждал шедевр львовского автозавода. Это белое чудо с широкой голубой полосой, как ватерлинией, считался колесницей второго сорта. Да существовали, конечно, коротыши пазики, двери в которые водитель закрывал снаружи, толкая вовнутрь какого-нибудь висящего мужичка и крича:

– Сейчас никто, никуда не поедет! Или вы подвинетесь, или я глушу двигатель.

Но ведь существовали и «Икарусы», с креслами, в которых была высокая откидывающаяся спинка, где дверь не открывалась, а выезжала, где не брали стоячих, а если и брали, то немного, и они не висели над сидячими, а скромно стояли в проходе, высматривая тех, кто готовится к выходу, чтобы занять освобождающееся место.

А вот ЛАЗ был не рыба и не мясо. Длинный салон заполняли деревянные кресла, нет, они, конечно же, были из гнутой трубы с обтянутыми дермантином сидушками и спинками, но назвать их не деревянными язык не поворачивался. Считалось, что маршруты у такого автобуса не дальние, поэтому, по умолчанию, он подбирал по дороге всех желающих и иногда напоминал популярные консервы, заполнявшие полки сельских магазинов, народ их метко окрестил «братской могилой». В отличие от более развитого товарища, где существовали вентиляционные каналы с выводом дефлектора к каждому креслу, в этом чуде инженерной мысли свежий воздух поступал через боковые форточки, которые открывались только с одной стороны, чтобы не просквозило ровесников завода, и только на чуть-чуть, чтобы не пылило сидящим у окон.

Мы прошли в конец салона и заняли свои места, до отправления оставалось ещё больше двадцати минут. Внутри было очень жарко, несмотря на погоду и открытые у стоящего автобуса форточки с обеих сторон.

– Если хочешь, можешь сходить за мороженым, – предложила мама.

У себя дома я уже ходил в магазин, находившийся в соседнем здании, обучение в школе, я уже перешёл во второй класс, определило меня в число людей самостоятельных, достойных доверия. Но это происходило дома, где маршрут был изучен досконально, а здесь лоток находился за углом, вне зоны видимости. Маме свойственны были подобные педагогические задания, способствующие взрослению. Такими способами в мою жизнь приходили новые навыки, новые обязанности. Ещё в детсадовском возрасте был решён вопрос, кто застилает мою кро-

вать. До определённого времени это делали родители, но однажды мама задержалась в ванной, а у меня уже слипались глаза, и я сидел под дверью и канючил:

– Ма, ну застели! Хочу спать!

– Вот возьми и застели сам! – раздалось из-за двери.

Это был первый опыт, и он стал постоянным.

– О, смотри, у тебя получилось! – заметила мама. – Всё, теперь будешь это делать ты.

Отправка за мороженым не вызвала у меня ни малейшего удивления, вслед мне неслось:

– У тебя десять минут, возьми себе в стаканчике, а мне пломбир!

С мороженым у меня в сознании ассоциировался папа, он очень любил сладкое, и это было нашим совместным проектом – покупать его в тайне от мамы. Папа, вообще, очень сильно влиял на процесс моего быстрого взросления. Семья наша переехала в новую квартиру, когда я посещал последнюю, подготовительную, группу в детском саду. Вечером он забирал меня, и мы отправлялись пешком через весь город домой. Частенько, чтобы сократить путь, мы шли через старое кладбище в центре. Последние захоронения там производились за полвека до наших экскурсий, поэтому над могилами, заросшими огромными деревьями, витал дух романтизма. Там я учился читать. Я останавливался у понравившегося мне надгробия и спрашивал:

– Кто здесь похоронен?

– Читай, – просто отвечал папа.

И я погружался в мир эпитафий:

Прохожий, ты идёшь, но ляжешь, как и я.

Присядь и отдохни на склепе у меня.

Присядь и отдохни, задумавшись о днях,

Я дома у себя, а ты ещё в гостях.

У меня даже появились любимые захоронения, я представлял людей, покоившихся там, воображал, что они живы, а я с ними знаком. Мне казался несправедливым их ранний уход, но эти прогулки не навевали тоску, а скорее формировали во мне особую чувственность и интерес к человеческим судьбам. Во многом благодаря такой школе чтения я с увлечением погрузился в мир папиной библиотеки. Мне она казалась огромной, многотомные собрания сочинений русской и зарубежной классики стали продолжением историй, рождённых на кладбище.

Какая проблема для меня, парня, знавшего парочку ребят из старых склепов, сходить за двумя порциями мороженого?

– Я быстро, – крикнул я маме и пустился бегом через салон.

На улице всё было понятно: вот здание вокзала, вот угол, за которым стоит мороженщица с лотком, у меня в руках бумажный рубль, и я шёл высчитывая, сколько мне должны дать сдачи. «Пломбир – двадцать копеек, шоколадное в стаканчике – пятнадцать, итого: тридцать пять. Сто копеек минус тридцать пять – получается шестьдесят пять копеек» – прикидывал я по пути. Я уже представлял, какого номинала будут монеты, какие могут быть варианты, и тут я повернул за угол – лотка не было. Маршрут был верным, я не мог ошибиться, торговая точка исчезла.

У меня оставалось два варианта: вернуться назад ни с чем и рискнуть пойти дальше, поискать другой лоток. Ну разве мог почти взрослый человек, уже закончивший первый класс, испугаться такой незначительной преграды? Нужно только следить за временем. Я поискал глазами большие станционные часы, увидел, что прошло всего три минуты и побежал мимо центрального входа на другую сторону привокзальной площади.

Впереди белел ларёк, на его боковой стене было нарисовано мороженное в креманках на высоких тонких ножках. Такое можно купить только в кафе и стоило оно очень дорого, каждая порция больше рубля. Подбежав к окошку, я спросил:

– А в стаканчиках есть?

– Только эскимо, пломбир и лимонное, – без энтузиазма ответила продавщица.

Новая проблема недолго занимала моё сознание. Мороженое в вафельном стаканчике составляло мой рацион только из эстетических соображений: шансов запачкаться было меньше, а здесь всё было решено без меня – мама вынуждена будет признать правильность выбора. Итак, один пломбир и одно лимонное. Да цена на шесть копеек больше, но оно дешевле эскимо, совесть моя будет чиста: я выбрал не самое дорогое. А если мама будет недовольна, могу поменяться с ней. Я понимал, что мама, увидев мороженое в жёлтой глазури, скажет: «Химия!» и вернёт лимонное мне. Я никогда до этого не пробовал его, у нас в городе таких не было в продаже, и предвкушение нового гастрономического опыта приятно согрело меня.

Рассчитавшись и проверив сдачу, я отправился в обратный путь. Бросив взгляд на часы, отметил, что десять минут, отведённых мне на операцию, прошли. Это сделало невозможным начало процесса знакомства с новым вкусом по дороге, пришлось ускориться.

Автобус стоял на том же месте, дверь была открыта, и в неё ещё заходили люди. Когда я подошёл, то удивился, что проталкиваются они медленно из-за пробки в салоне. За десять минут полупустой ЛАЗ превратился в Ноев ковчег. Мороженое в моих руках становилось проблемой.

– Ты куда собрался? – спросил стоявший у двери водитель.

– Там у меня мама на предпоследнем ряду.

Парень в дверях пропустил меня. Оказавшись в салоне, я увидел только людей, стоящих впереди, вся остальная часть пространства была скрыта. Пробираться по ряду с тающим мороженым в руках представлялось нереальным, оставалась одна проблема: как сообщить маме, что я уже внутри. Вполне разумная мысль посетила меня: «Прошло больше десяти минут, мама, наверняка, встала, чтобы меня найти, и раз она молчит, значит она меня видит». Мне оставалось решить вопрос с пломбиром и лимонным – это оказалась самой несложной частью. Пока я улепётывал свою и мамину порции, водитель занял место за рулём и закрыл пассажирскую дверь.

У себя в городе я больше всего любил ездить в троллейбусе на переднем сидении. Я представлял себя водителем, крутил импровизированный руль на поворотах, давил на невидимые педали, объявлял остановки. Но там все маршруты хорошо знакомы, а здесь всё впервые. Я так увлёкся наблюдением за дорогой и шофёром, что не заметил, как мы доехали до первой остановки.

Пейзажи, открывавшиеся мне, не были похожи ни на что виденное ранее. Как-то мы ездили с мамой к новой бабушкиной тёте, жившей в селе. От остановки мы долго шли пешком, и я запомнил запах чернослива, коптившегося во дворах. Этот аромат заполнял всё пространство, казалось, что это основное содержимое жизни наших новых родственников, я потом долго ещё чернослив ассоциировал с ними. А здесь местность сильно отличалась от наших сёл. Деревьев росло меньше, они казались ниже, но все были чем-то увешены. Абрикосами, яблоками, персиками. Наши липы представлялись каким-то бессмыслием, практической несуразностью. Если у нас основной цвет был зелёный, то здесь – жёлтый, но это нисколько не лишало новые пейзажи свежести жизни, просто эта местность рано становилась урожайно-жатвенной и привлекательно-сладкой.

Когда из автобуса вышли первые пассажиры я сумел, как мне показалось, разглядеть фрагмент маминого платья. Это меня окончательно успокоило и я продолжил контролировать водителя и дорогу. Тогда я ещё не знал, что где-то в Японии есть люди, у которых нет цели, а есть только путь – самурайский дух обуял меня. Приборная панель в кабине не была чем-то особенным: обычные круглые датчики скорости, температуры, давления, но ручка коробки передач! О, это было грандиозно! Инженер придумал создать её загнутой у основания, поэтому шла она параллельно ноге водителя и словно являлась его продолжением. Верхний пластмассовый набалдашник гармонично обволакивался сильной кистью, и мне казалось, что нет картины вдохновеннее, чем эти толчки от себя и рывки назад при переключении. В эти моменты

внутри я чувствовал какой-то приятный зуд, и я на многое мог бы пойти, чтобы поучаствовать в этом процессе. В нашем автобусе ручка была обмотана разрезанной вдоль оплёткой толстой проволоки синего цвета и выглядела очень брутально.

У нас в городе возле реки находился парк отдыха, в котором центральным объектом являлась танцевальная площадка – «клетка», название такое приклеилось к ней из-за дощатого забора вокруг. Ходить туда мне категорически было запрещено: если чему-то плохому хотели научиться, то лучшего места нельзя было и придумать. Так продолжалось до тех пор, пока администрация одного из заводов не соорудила технозону, из различных металлических элементов создав автомобили, вертолёты, ракеты, космонавтов. Огромные, покрашенные в яркие цвета они населили парк, но главным их достоинством являлись кабины, где всё крутилось, переключалось, нажималось. Была там и заветная ручка коробки передач, без обмотки, но от этого не менее желанная. Я мог часами «ездить» по всем известным мне дорогам, издавая соответствующие звуки, имитируя работу двигателя и коробки. Какое хорошее дело совершил неизвестный проектировщик культурного пространства! Постепенно молодёжь разбрелась по другим районам, а городские дети оккупировали парк.

В верхней части лобового стекла в автобусе крепилась бахрома, а сверху на ней треугольные вымпелы, такими обменивались перед началом футбольных матчей капитаны команд, я это видел на нашем городском стадионе, куда мы ходили с папой и дедом. Дед являлся ветераном ВОВ и ему многое доставалось бесплатно, а мне было до какого-то возраста, поэтому платил только папа. Из футболистов нашей команды мне больше всего нравился Циркуль, возможно это было его прозвище, потому что на футболке виднелся только номер. Был он худой, высокий и лысый. Я вскакивал со всеми, когда раздавалось:

– Циркуль, давай! Лысый бей!

И лысый бил, хорошо, плотно, с лёту и часто точно. Поздравления он принимал, скромно улыбаясь, словно говорил: «Да ничего особенного, просто повезло», и мне он нравился этим ещё больше.

Так вот, такие вымпелы, с названием команд и городов, висели вдоль всего стекла. Такие я видел и в других автобусах, и всегда мучился вопросом: «Неужели все водители бывшие спортсмены?», или может они возили футболистов, а те дарили им клубную атрибутику? Я стоял и шевелил губами, произнося знакомые и незнакомые названия, радовался первым и удивлялся вторым.

В этот момент автобус остановился второй раз, и огромная толпа вышла. Я тоже оказался на улице, пропуская их, а затем поднялся и пошёл в конец салона. Дойдя до предпоследнего ряда, я не увидел там маму. На наших местах сидела молодая приятная женщина, но я смотрел на неё с ужасом.

Я был непонятно где, по спине к трусам стекала капелька пота, хотя уже не было жарко, и мне несколько дней назад исполнилось восемь лет.

Глава 2

До этого на море мы ездили в Гагру. То было первое в моей жизни длительное путешествие на поезде и стало поводом влюбиться в железнодорожный транспорт. В купе мы ехали с маминой подругой, тётей Ларисой, и её сыном, почти моим ровесником. Ромка всячески старался продемонстрировать, что он старше меня, а значит, опытнее. Думаю, что это являлось следствием дурного воспитания, за моё же поведение маме не приходилось краснеть. Взбалмошный сосед настоял на том, что спать будет на верхней полке, моя мама укоризненно смотрела на подругу, но вслух предпочитала ничего не говорить, а, наверно, стоило бы.

Ещё до полуночи раздался грохот – недозрелый фрукт рухнул на пол, переполошив всех. На предложение своей мамы лечь на её место он ответил категорическим отказом, утверждая, что подобное больше не повторится. Удивительно, но падение с полуметровой высоты не оставило на теле Ромки никаких следов, это и стало аргументом, сломавшим сопротивление тёти Ларисы.

Потом мама утверждала, что падал он ещё шесть или семь раз, но думаю, что она преувеличивала, приукрашая последствия попустительства подруги. Я насчитал только три.

Лучшее, что есть в летней поездке на поезде, это торговля на станциях. Выстроившиеся в ряд молодые и пожилые женщины, заискивающе встречают выходящих из вагонов заспанных отпускников, осознающих свою значимость. Ведь это ради них пришли сюда все эти торговки, не знающие, что такое отдых на море, стоящие на жаре и за бесценок отдающие вкуснейшие блюда. Молодая картошка со сливочным маслом и зеленью, малосольные огурчики, жаренные курочки, поделённые на две или четыре части, варёная кукуруза, посыпанная солью, горячие пирожки со всевозможной начинкой: мясом, картошкой, капустой, ягодами. И конечно же охлаждённые мороженое и лимонады. Непонятно, зачем в поезде пускают вагоны-рестораны, когда есть уличная торговля?

Моя мама всегда боялась, что летом продукты быстро портятся:

– Ещё не известно, сколько они там лежат и из чьего мяса сделаны.

Поэтому мне не приходилось лакомится вкуснейшими образцами станционного меню, но даже то, что допускалось, было восхитительно. Ромке везло больше: тётя Лариса исполняла любое его желание, хотя многое из того, что они покупали, потом отправлялось в мусор. На второй день пути стойкость мамы была вознаграждена – летун переехал на нижнюю полку из-за посетившей его диареи.

Дорога же продолжала дарить наслаждения: пока не видела мама, можно было выставить в открытое окно в коридоре лицо или руки и жмурится от обдувающего тебя воздуха. Туалетные процедуры были приключением, дома я не очень любил утром умываться и родителям приходилось по несколько раз призывать меня правильно начать день, здесь же эти несколько шагов с выданным мне полотенцем, зубной щёткой и пастой, стояние в очереди прибавляли мне в возрасте минимум лет пять. Чай я любил пить только у бабушки и в поезде, у бабушки, потому что это был чай и всё..., что есть в холодильнике, а в поезде, потому что это была особая церемония, с ажурными подстаканниками, очередью у титана и рафинадом в голубой обёртке.

Впоследствии мне приходилось ездить и плацкартных, и в общих вагонах, и даже спать на третьей, багажной полке, но тогда я думал, что, даже если весь отпуск – это путешествие на поезде, я с радостью бы согласился.

Приехав в Гагру, мы поселились в какой-то времянке далеко от моря, я тогда ещё не знал о существовании первых и вторых линий. Путь на пляж смело можно сравнивать с началом уик-энда, а возвращение в обед – с началом недели. Первая дорога убегала вниз, ведь дорога к морю – это всегда спуск, вторая – вверх, и чем ближе был полдень, тем мучительнее становился подъём. Мама принципиально не разрешала находиться на берегу с одиннадцати до

трёх, утверждая, что в это время самое вредное солнце; на возражение, что можно и в воде посидеть, отвечала:

– Що занадто, то не здраво.

Впоследствии, взрослого, море меня насыщало за два-три дня, а после уже приходилось заставлять себя идти на пляж, но тогда, в первый раз, его было мало. Отводившиеся для купания минуты словно таяли от жары, и я не понимал людей, медленно входивших в воду, стоявших и ждавших, пока тело привыкнет к смене температуры. Одновременно хотелось и плыть, и нырять, и с кем-то побрызгаться, и со «стульчика», сложенного из рук появившихся за минуту новых друзей, коряво прыгать, вызывая недовольство степенных взрослых.

Мама пошла на невиданную трату, купив маску для ныряния и дыхательную трубку, определив этим основное моё занятие в ту поездку. Такие покупки были ей не свойственны, финансовые принципы у неё были сформированы чётко и базировались на двух основных идеях: мы не так богаты, чтобы покупать дешёвые вещи и не всё то золото, что блестит. Выливалось это в тщательное исследование перед любой покупкой: это хорошая вещь? Она нам нужна? Если папа покупал конфеты, которые ему нравились, то мама – только полезные. Она говорила:

– Лучше съёсть одну, но хорошую, чем много всякого «г».

Именно тогда в мой рацион вошли сухофрукты с ореховой начинкой в шоколадной оболочке. Как они мне не нравились тогда, и как нравятся сейчас!

До маминых покупок нужно было дорасти. Однажды, она привезла мне из ГДР жёлтые кожаные ботинки, «хайки», с тракторными протекторами и металлическими петлями-люверсами для шнурков. Понятно, что ни у кого из моих знакомых такой обуви не было и выглядел бы я в них как клоун. Я больше обрадовался разнообразию жевательных резинок, даже не самого продукта, а обёрточных фантиков, мода на коллекционирование которых к тому времени переросла в игру, вытеснившую игры в пуговицы и значки. Надевать ботинки в школу я отказался наотрез, и без этого я давал достаточно поводов для насмешек. С каким же удивлением через несколько лет я обнаружил, что с варёными джинсами стильнее смотрелись либо белые кроссовки, либо жёлтые хайки, но из своих я к тому времени уже вырос.

Маска для ныряния была пропуском в подводный мир, я стал своим для захвативших пирс крабов, прячущихся в водорослях коньков и рыб-игл, зарывающихся в песок бычков. Тогда я был уверен, что моя будущая профессия будет обязательно связана с морем. С того года в моей прикроватной тумбочке увеличивалось количество ракушек, собранных со дна, и моя коллекция конкурировала уже с бабушкиной собранной ею в Крыму. Если бы не мамина угроза отдать маску с трубкой Ромке, ничто не смогло бы вытащить меня на берег, но по решению свыше наш отпуск не ограничивался увлекательным купанием и мучительным загоранием, были ещё курортные фотографии и групповые экскурсии.

Ни первые, ни вторые восторга у меня не вызывали, но позирование являлось менее энергозатратным, так как происходило по ходу и требовало меньше времени. Иногда снимки даже мне доставляли удовольствие, особенно, если это был фрагмент цветной плёнки, вставленный в приспособление для просмотра с увеличительным стеклом. Таким мобильным «проектором» стала пластмассовая модель колоннады, где плёнка вставлялась в отвинчивавшуюся крышку. Сюжет для такого серьёзного слайдоскопа не мог быть заурядным, нас запечатлели на фоне моря и фанерных декораций, представлявших тропический лес, с надетыми париками с перьями, набедренными повязками, с луком и томагавком в руках, одним словом, превратились мы в абхазских индейцев. Другие фотографии не уступали по экзотичности: и с чучелами медведя или оленя, и на фоне церетелиевских мозаик.

Это был богатый опыт, накопленный до поездки в Анапу, но на пути в Варениковскую я не знал, как он поможет мне справиться с тем, что я сел не в тот автобус. Следующее моё решение являлось простым следствием паники: не сообщив никому о своём бедственном положе-

нии, я вышел на ближайшей остановке. На улице успокоение пришло быстро, я знал откуда еду и знал куда, оставалось только построить маршрут. Критическая ситуация превратилась в очередную экскурсию, самой яркой из которых была поездка из Гагры в Сухуми.

Долгая дорога вдоль берега утомляла, спасали виды, открывавшиеся с обеих сторон, завораживавшие своим величием. Автобус был комфортабельным, но манера вождения у местных всё удобное превращала в экстремальное. На первом же повороте мама сказала:

– Держись за подлокотники и смотри только в окно, чтобы не укачало.

Я не понимал, зачем нужно было ехать так далеко и очутиться на такой же набережной, возле такого же моря, пока мы не поднялись в обезьяний питомник. Это был первый полноценный зоопарк в моей жизни. Мир приматов оказался намного интереснее подводного, и я перебегал от клетки к клетке, читая названия видов, смеясь, кривляясь, стирая границу между мною и обитателями вольеров. Наш гид умудрился привести группу ко времени кормления животных, а это требовало особых усилий, так как все посетители старались оказаться там в момент приёма обезьянами пищи. Получилось, что мы попали в зоопарк и цирк одновременно. Как они были похожи на нас! Я нашёл здесь и Ромку, и своих одногруппников из детсада, и дворовых товарищей, и некоторых знакомых взрослых, скорее это было даже не представление на арене, а уставленная кривыми зеркалами комната смеха в луна-парке. Грусть вызывали лишь необходимость расставания и невозможность взять одну из них себе домой. В дальнейшем, эту проблему родители мудро решили, купив мне матерчатую обезьяну, розового цвета, набитую опилками, на долгие годы ставшую обитателем моей детской комнаты. Потом, уже в моих играх, она перевоплощалась и в Чингачгука, и в Пятницу, и в Паганеля. Мне даже казалось, что она была моим первым настоящим другом, во многом благодаря тому, что я наделял её теми качествами, которых не хватало мне самому. Периодически, примерно раз в полгода, папа просил меня навести порядок в тумбочке, выбросив уже ненужные игрушки, и только две из них пережили все ревизии: коробка с шахматами и потрёпанный, залатанный свидетель моего детства – память об экскурсии в Сухумский обезьяний питомник.

Итак, я стоял на какой-то развилке, решая, какие действия я должен предпринять, чтобы встретиться с мамой. Возможность возвращения в Анапу я отверг, так как понимал, что вряд ли смогу найти турбазу, в которой мы остановились, оставался вариант – добраться до дяди Васи. Я помнил название станицы, был уверен, что это, скорее всего, небольшое поселение, и я смогу разыскать там своего родственника.

Мама учила, что люди принадлежат к двум категориям: те, кому можно доверять и те, кому нельзя. Ко второй, например, относились цыгане, их было много на вокзале нашего города, мимо них нужно было проходить быстро, не реагируя на настойчивые призывы. Мама говорила, что они могут меня выкрасть, и я буду жить с ними на свалке, перебирая мусор. В первую категорию, помимо милиционеров, кассиров, женщин с детьми, входили водители автобусов. Почему? Сложно сказать, возможно, из-за постоянной потребности отвечать за безопасность большого количества людей. А ситуации бывали разные.

За год до отдыха в Анапе мы ездили из Гагры на экскурсионном автобусе к озеру Рица. Водопады и дегустационные забегаловки не вызвали у меня особого восторга, но вот сама дорога не могла оставить равнодушным. Когда группа шла на посадку, мне удалось всех обогнать и занять место в первом ряду возле двери, а это означало, что, даже выходя, я сохранял за собой обзорный пост, возвышающийся над серпантином. Передние колёса находились под моим рядом, и на повороте передняя часть автобуса выезжала далеко вперёд, нависая над обрывом, и у меня аж перехватывало дыхание от таких манёвров. Высота обрыва над рекой вызывала страх, поэтому я повернулся налево, делая вид, что мне интересны горы, но постепенно расслабился, почувствовав доверие к водителю, хотя видел его первый раз в жизни. Мне казалось, что его роль незаслуженно приуменьшена. Центральным персонажем оставался экскурсовод, безраздельно владевший вниманием группы, а человек, в чьих руках находилась

наша жизнь, оставался в тени. Но меня не так-то легко провести, я понимал, кто здесь главный и внимательно следил за происходящим в кабине. Водитель был местным, а значит очень эмоциональным, он живо реагировал на речь гида: смеялся, кивал, запрокидывал голову, потирал руки. Когда заметил, что я за ним наблюдаю, стал подмигивать и мимикой обсуждать со мной услышанное. При всём этом он лихо крутил руль, на подъёмах энергично, всем телом включал пониженную передачу и комментировал происходящее, то ли разговаривая со мной, то ли с автобусом. Когда мы доехали до озера, уже казалось, что водитель – мой старый знакомый, и, выйдя на набережную, я остался стоять возле него, словно это мы привезли сюда эту группу, а местный пейзаж нам уже приелся и не заслуживает траты времени. Мама, конечно же, выдернула меня из компании напарника, отправив восхищаться умопомрачительными видами, но для себя я сделал вывод, что выбирая между ролями гида и туриста, я бы, не раздумывая, занял место за рулём.

Расположенность к водителям автобусов автоматически распространялась на всех, управлявших большими транспортными средствами. Машинисты поездов и пилоты вообще принадлежали к небожителям, но даже шоферы, работавшие на грузовиках, вызывали особое доверие, как люди надёжные. Стоя на пустой дороге, выжженной июльской жарой, не зная даже, в какой стороне находится мой пункт назначения, я решил пропускать машины легковые, а тормозить большегрузы.

Первая же фура остановилась, правда ехала она в обратном направлении, видимо, шофёрская этика не позволяла проехать мимо голосующего восьмилетнего путешественника. Диалог между мною и свесившимся через всю кабину к пассажирской двери мужиком происходил вне плоскости координат:

– Далеко собрался?

– В станицу Варениковскую, к дяде.

– А где это?

– Не знаю.

– Куда же ты едешь?

– В станицу Варениковскую, к дяде.

То ли ему тяжело было так висеть, держа на вытянутой руке открытую дверь, то ли его разочаровал уровень моей осведомлённости, но он больше не стал допрашивать меня, скомандовав мне лезть в кабину, завершая наш разговор коротким: «Разберёмся!»

– Как ты говоришь называется твоя станица? – доставая потрёпанный атлас и поплёвывая на пальцы, спросил он.

– Варениковская.

Искал он не долго, оказалось, что я правильно сделал, что покинул автобус, он ехал в другую сторону. Именно в этот момент я осознал, что это не мама вышла, а я не туда сел. Видимо, свернув с привокзальной площади, я в спешке перепутал платформы, не обратив внимание на табличку на лобовом стекле. Водитель показал мне карту, на которой я прочитал над его ногтём «Варениковская» и сказал, что нам по пути: он несколько десятков километров провезёт меня до съезда с основной дороги и высадит меня у поворота на станицу.

Я с восторгом смотрел на карту и на человека, в ней разбирающегося, и думал, что я тоже обязательно изучу эту науку и тоже с лёгкостью буду прокладывать маршруты.

Впоследствии я в карты преобразовывал все рисунки, с которыми сталкивался. Ковёр над моей кроватью был весь испещрён витиеватыми узорами, для меня они становились дорогой к золоту Маккен, путём Зверобоя, паломничеством Ричарда Львиного Сердца. Я мог долго лежать и рассматривать замысловатые хитросплетения, возбуждавшие моё детское воображение. Сейчас, глядя на серые обои, я думаю, насколько мы стали беднее, убрав от глаз постоянный источник вдохновения.

В Гагре меня тоже окружало обилие орнаментов. Они были сосредоточением каких-то тайн, скрытых художником, но понятных посвящённым. Однажды в приморском кафе я рассматривал квадратные рисунки, нанесённые по периметру на плоскость обеденного стола, и пытался найти одинаковые, но не смог. Они схематично изображали каких-то животных и людей, какие-то строения и события. Я не понимал, что скрывается за узором, но мог представить что-то своё, и это мне нравилось. Земля, хранившая свои секреты, показывала мне только карты, но, в то же время, давала возможность прикоснуться к чему-то неизведанному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.